

Привет из новогодней ночи

Мамина старшая сестра Сонечка была красивой и умной девушкой. Всё спорилось в её руках. Особенно красивы были вязанные ею вещи. Соня любила сесть на солнышке, спицы ли, крючок ли – с огромной скоростью мелькали в умелых руках, блестя в солнечных лучах. И сама рукодельница была солнечной, улыбающейся. Салфетки, кофточки, шапочки-шарфики получались такими же – неповторимо красивыми.

Вот только личная жизнь не складывалась. Что-то неуловимое становилось непонятным препятствием. Сонечка поставила крест на своей семейной жизни и с головою окунулась в науку – микробиология захватила её целиком и полностью.

Но тут на любовном горизонте нарисовался ухажёр. Серёжа был оригинальной внешности. Округлое полное лицо, густые чёрные брови, красивые карие глаза, пухлые губы и абсолютно лысая голова. В те далёкие времена такая "причёска" не была модной. Она несколько шокировала, поэтому и Сонины сёстры, и подруги сразу же дали Серёже кличку Лысый.

...Начиналась зима, снегом запылило Киевские улицы и холмы, покрытые кустарником. Дребезжали-звенели на морозе вымерзшие насквозь трамваи. А в сердце Сонечки плыла солнечная весна. Серёжа-Серый-Серёженька – пело сердечко, истосковавшееся по любви и ласке. Тридцать шесть стукнуло! А замуж так никто и не позвал. Вот и Сергей не спешит, хотя и сам не мальчик – старше на целых двадцать лет! Пора бы и причалить к семейной пристани...

Серёжа-Лысый всю свою жизнь был занят собою и филологией. Он писал научные статьи, издавал словари – один и в соавторстве. В те времена построил на свои гонорары шикарную кооперативную трёхкомнатную квартиру на Печерске – престижном районе Киева. И жил в ней один!

Домработница Зоя приходила через день, убирала кабинет – сверху донизу заставленный стеллажами с книгами. Проветривала холостяцкую спальню огромных размеров, обитую нежным китайским шёлком. В гостиной смахивала невидимую пыль, распахивала балкон, впуская свежий

Днепровский воздух. А после усаживалась отдыхать в шикарном кресле – включала телевизор – лучший из существующих тогда марок.

В кухне варилось-жарилось-пеклось. К приходу Сергея Филипповича всё должно быть готово! Иногда Зоя так засыпала... И тогда пришедший хозяин рывал прямо из прихожей:

– Что? Перетрудилась? Стол накрыт? Шевелись, бездельница!

Зоя вскакивала, неслась на кухню и за две минуты сервировала стол – все движения были отточены.

Сергей Филиппович после душа обедал, придираясь ко всему, на что падал взгляд. Но Зоя его не боялась. Тихо шипела в ответ:

– А Вы выгоните меня, выгоните... Кто к Вам пойдёт-то за такие гроши?! А сами-то, небось, ничего не умеете, кроме как книжки свои писать...

Хозяин, разомлев от сытной и вкусной еды, добрел, укладывался на послеобеденную дрему, часто притягивая к себе под бочок молоденькую Зою.

– Э-эх! Хорошая была бы из тебя жена, – временами вырывалось у него, – да молодая слишком! И дурная – темнота деревенская!..

Зоя не обижалась. "Будешь мой, куда денешься, – думала она каждый раз после телячьих нежностей Сергея Филипповича, – и квартира будет моя, не сомневайся!"

На Новый год хозяин отпустил Зою к матери, в село.

Холодильник был забит приготовленной ею вкуснятиной: гусь запечен, холодец застыл, паштет готов, буженина – как он любит. Даже домашнюю колбасу Зоя начинила, не забыв вбросить побольше чесночка...

– А приглашу ка я Сонечку! – решил Сергей Филиппович и тут же ей позвонил.

Соня приехала к нему в первый раз. Раскрасневшаяся, красивая, пахнущая морозцем, но одета так бедненько. "Надо бы подарить ей что-нибудь из одежды", – подумал Сергей.

Запах хвои, искрящиеся шары на ёлке, зажжённые свечи... Шампанское, пенящееся в бокалах и пьянящее... Шикарный стол и бой курантов – сказка, длящаяся всю ночь... Лысый был галантным кавалером. Он даже поставил свою любимую пластинку и танцевал, нежно обнимая Сонечку...

...Свечи догорели, их лёгкий дымок струился, смешиваясь с тонкими солнечными лучиками, пробивающимися сквозь щель между шторами...

Солнечные пятна дрожали на стене, по которой пальчиком водила Сонечка, боясь пошевелиться. "Какие красивые стены...нежный рисунок...как славно я встретила Новый год...сказка... и вовсе он не Лысый! Он – любимый Серёженька! – думала Сонечка, – теперь он женится..."

Лысый проснулся, потянулся, и обнаружил рядом с собою Соню.

– А, это ты...

– С Новым годом, любимый!

– С Новым... – буркнул Лысый.

– Мы теперь поженимся, Серёженька? – прошептала она.

– С чего ты взяла? Нам и так хорошо! Я – убеждённый холостяк! – произнёс отрепетированную фразу хорошо поставленным профессорским голосом.

Соня выбралась из царской постели, наскоро умылась-оделась и выскользнула из царских хором в глубокой обиде...

Совсем скоро у Сонечки начался токсикоз – последствия той новогодней ночи...

– Ничего, ничего! – утешали сёстры, – вместе выкормим, вырастим!

– Ты, дочь, береги себя, – напутствовал отец.

Иван Матвеевич был врачом и хорошо понимал сложность положения – на носу 37 лет, первые роды...

Иногда Лысый подбрасывал денюжат – Сонечка сообщила ему о беременности, о том, что собралась рожать. Беременность протекала тяжело. Иван Матвеевич наблюдал дочку сам лично и определил у неё двойню. Потому последние месяцы вылежала Сонечка на сохранении в киевской клинике. Папа-доктор сделал для дочери всё возможное и невозможное.

В конце сентября родились крепенькие мальчишки – большой привет из той знаменательной Новогодней ночи!

Это сейчас – не событие, а тогда! В 37 лет – первые роды, двойня, и никаких кесаревых сечений!

Сыновей Сонечка назвала в честь мамы, погибшей в войну, и в честь ...любимого, уже прощенного мужчины, подарившего ей нежданное счастье двойного материнства...

...Но Серёжа-Лысый, престарелый "мальчик себе на уме", не менялся! Он не признал сыновей, и Соня дала им свою фамилию.

Лысый дарил игрушки и деньги один раз в год – на день рождения детей. Все тяготы жизни легли на плечи миниатюрной Сонечки. Конечно, помогали сёстры, папа, подруги, но... Соня трудилась, брала сверхурочную работу, шила-вязала – на заказ, печатала на машинке – тоже на заказ. При этом умудрилась Сонечка закончить свою научную работу, защитить кандидатскую...

...Детям уже было лет по десять, когда Лысый стал иногда приглашать их пообедать вместе – в ресторане. Мудрая София не отказывалась. После рассказывала, что общаться с Лысым трудно – его заикленность на себе, его нарциссизм забивают всё пространство! Он ещё постарел, но всё так же следил за собою: массажи, кремы, бассейн, санатории, диеты, натурпродукты. И меняющиеся молоденькие домработницы – провинциалочки...

И вот мальчикам, как звала их мама Соня, пришло время получать паспорта. Как время летит! Сёстры уговорили Соню идти к Лысому на разговор – пусть уже признаёт сыновей! Пусть даёт им свою фамилию, тем более, сам видит – внешне они – его копия! Соня имела недлинный разговор – на удивление – Сергей Филиппович согласился без особых уговоров!

Все документы были быстро оформлены. И наконец-то, в 16 лет сыновья получили законного папу! Но Лысый остался собою – жили по-прежнему: Соня с детьми – в коммуналке, а папа Серёжа – один в трёхкомнатной огромной квартире. Изредка перезванивались, встречались за обедами, когда он приглашал – ему нравилось внимание со стороны окружающих. Как же – близнецы – папина копия!

Сыновья уже стали студентами, и тут – внезапная смерть отца! В бассейне Лысому стало плохо... В кармане его пиджака нашли блокнот с телефонами и позвонили Соне. Хоронили сыновья вместе с Соней. Никого из родственников больше не нашлось. Никто не претендовал и на квартиру – на царские палаты Лысого! Хорошо, что совсем недавно он оформил юридически своё отцовство!..

Вскоре после утряски наследственных дел, Сонечка с сыновьями переехала из коммуналки в элитный дом на Печерске. Здесь у каждого появилась теперь своя любимая комната... Ещё несколько лет Соня ездила на работу – в свой Институт микробиологии, в академгородок. А потом ушла на пенсию, только продолжала вязать на заказ – привыкла всю жизнь зарабатывать недостающие деньги.

Часто она сидела в тихом печерском дворике, а у ног, в походной корзинке крутились-вертелись разноцветные шерстяные клубочки, мелькали стальные спицы, отбрасывая крохотные солнечные блики-зайчики, дрожащие на её лице, на седых волосах. Плясали они совсем так же, как когда-то в ТО новогоднее утро – на стене барской спальни, затянутой нежным китайским шёлком...